

272.9
М69
К-39414

СПИРИДОН МИХАЙЛОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ЧУВАШ ЮМАХСАМ

[Сёр сятни]

Перь чувашин арым тулук йолче, деть. Сяк арымын висьсе увыл, висьсе херь опушкаран йолни, деть. Арым хобага кайса изеть, теть, изьсэ иусрю килеть, теть, киле.

Пре иусрю полза киле ситьсэсын, асла херьне калать, тет: «Хирим! Шу батне кос, кайза киль», тет. «Шу кюрьзэ бар», — тезэ калать, теть. «Манын ыш сионныран хыда изес килеть», — тезэ калать, теть. Херь сяра оранын, сяра позин, кюрьконне, хыда сыви-рэ полинь, васказа шу батне чобать, тет. Онда вул кайзасын амуже пюрьтне сяклатса шалдан, килегген ху херьне шала пюрьде ямасть, теть. Херь таргаслать, тет: «Абай, абай, ярзам, ора да манын шы-нать, — теть, — сяндалык сыве мары, ярзам чазах», — теть.

Амушь шалдан калать: «Ху асла пичуна арым полас тезэнтинь ярып», — тезэ калать, теть. — «Йивыр сильх мары хорындажа арым полмашкын, — тезэ каларе, тет, [хере]. — Сирь да сютса ямасти сявын чол сильхжин», — тезе каларе, деть. — «Кирек минь болинь, — амуж каларе деть, — сявынзыр пюрьде ямым», — теть. Ору хыда шинма посыларе ку херин, ху да томдирьзырскерь шинма тапратре, ириксыр ху амушь сумахне кильштерче, амушь да ончох тинь пюрьде яче, деть. Перь висьсе кондан сява херь арым полза кайре, деть.

ЧУВАШСКИЕ СКАЗКИ

[Поглощены землей]

У одного чувашина жена осталась вдовою; от этого мужа у ней было трое сыновей и три дочери. Эта вдова в кабак ходит, напивается и домой приходит пьяная.

Однажды, по обыкновению своему напившись, приходит домой и посылает старшую дочь за водою: «Пооди, — говорит ей, — принеси мне свежей воды, у меня сердце горит, мне очень пить хочется». Дочь ее послушала, босиком и ничем не одевшись, несмотря на холодное время осеннее, пошла скоро за водою и принести торопилась матери пить. Между тем, как она побежала, мать внутри дверь заложила, пришедшую обратно с водою дочь уже не пускает в избу. Дочь ее спрашивает сими словами: «Матушка! А матушка! Пусти, у меня и ноги зябнут с дворного, пусти в избу поскорее».

А мать извнутри избы говорит ей: «Пойдешь ли за старшего твоего брата замуж? Если согласишься, пушу». — «Да, матушка! — отвечает ей дочь. — Разве не тяжкий грех идти замуж за родню да и брата. Пожалуй, и земля нас поглотит за такой грех». — «Что ты ни говори, — отвечает ей мать, — а без того тебя в избу не пушу». Жестоко начала зябнуть ноги у этой дочери её, и сама она без одежды начала сильно дрожать; поневоле согласилась на слова матери, и мать тогда лишь пустила ее в избу. Через три дня после того дочь ее сделалась женою братнею.

Тада сяпла порынзан, амуж сябах иусрю колыленех сюреть, тетъ. Пре хьда иузюрьлзэ киле кильче, детъ. Вудалых херьне шу батне яратъ, тетъ:

«Кос, кайза шу кюръ, — тезэ калать, тетъ. — Манын ышчик сионать, час чоп, томланма вурах полать, васказах киль, пить изес килеть хамын», — тезэ каларе, детъ. Вудалых херь ху амушьне итьлере, васказах чопре сьра оранын, сюръ козин, томдирьзырах, шу батне чобать, тетъ. Онъчень амуж пюртъне шалдан сякладать, тетъ. Херь килеть, тетъ, шу узса, алык батне ситьзэ: «Абай, ось, — тетъ. — Абай, толда сыви мары, чазрах ось, — пюръде кюртъ», — тетъ. Амушь шалдан осьмазырах калать, тетъ: «Ху кизинь пичуна арым полатны, полас тезэн тинь ярып», — тезэ каларе детъ. — «Ара, абай, сьва йывыр сильх мары, кам ху туван пичишне тогать, сьвынжин хамыра сирь да сютса яратъ поле», — тезэ каларе, детъ.

Амушь вул хере каларе детъ: «Ху пичуна тохмастын ползан, — детъ, — сана пюръде ямым», — тетъ. Херь таргасларе-таргасларе пюръде кюръдешин, кайран ириксырех онын сумахне кильштерче, арым болас, тере. Амушь да она тинь шала кюрътре. Перъ висьсе кондан сяк херь польче арым, онын кизинь пичишь те онын опушка полза кайре.

Сяпла порнасьси-порнасьси, тет. Амуш сябах иусрю сюреть, тетъ, орылмазырах порнать, тет, поскиле да сыра исьме каятъ, хобага да эрегте

Еще пожили они долго ли, коротко ли, мать все пьянствует каждый день. И однажды, сильнее обыкновенного напившись, домой пришла и посылает среднюю дочь за водою:

«Поди, сходи скоро, — говорит ей, — за водою, у меня сердце горит; поди, не одеваясь, скоро сбегай, у меня сильная жажда». Средняя дочь послушала свою мать без противоречия, поспешила, босиком и без одежды бежит за водою. А между тем мать дверь внутри закладывает на крючок. Когда дочь пришла с водою, подходит к двери и говорит: «Матушка, отвори дверь, матушка! Пусти скорее в избу, ведь на дворе очень холодно». Мать, не отпирая ей, говорит: «За второго брата пойдешь замуж? Если согласна выйти за него, то пушу, а иначе нет». — «Разве не большой грех выходить замуж за брата родного, — возражает ей дочь, — да и земля нас, пожалуй, за это не понесет, поглотит».

На это мать отвечает ей: «Что ты не говори, а если не пойдешь замуж за брата, то и в избу не пушу». Дочь сколько не упрашивала ее без всего пустить в избу, не упросила, и принуждена была согласиться на ее слова. И тогда-то уже мать пустила ее в избу — через три дня после того она сделалась братнею женою, и брат ее согласился быть ее мужем.

И после этого происшествия мать не перестала пьянствовать, не протрезвлялась, и к соседям ходила, пива на-

исьме чобать, тетъ. Пре иусрю киле тавырнзан кизинь херъне шу батне ярать, тетъ. Ятран она чинъзн: «Кос шу батне, васказа кай, — детъ, — таза шу изес килеть, — тетъ, — хам ышчик сионза аптрать», — тезэ калать, тетъ. Херъ ху амушне хирьгеньзэ итьлере, чазах чопре, ниминь томдир тыгынмазырах шу кюрес тезэ васкаре.

Амужь ончень тада кальлях пюртъ сяклатса ху кильне херя шала ямасть, тетъ. Херъ чинеть, тетъ, она: «Абай ось, чазрах ось, абэ шу кюдым, толда сыве мари, чазах осьсам». Амушь итьлеместъ она, калать, тетъ: «Ху чинь кизинь пичуна арым поладын ползан, пюрде кюръдип, — тетъ. — Агалин кюртъмып», — тезэ каларе, детъ. — «Ара, абай, сявын чол йивыр сильхжин сирь да сютса яре пире», — тезэ каларе, детъ. Амужь она сябах ямаре, херъ хыдах макырза йирьзэ, хыда силленьзэ шуне тукре, детъ, витрисене суюмюръче, детъ. «Торым, Торым, — тезэ каларе, детъ, — сяк кювеньде кюсьмен полдырь, — детъ, — сяк витре тадыксам пичике ким хама каймалых полдырь, — детъ, — сяк тухны шу мана сюрезэ ишмелли шу полдырь», — детъ.

Тора она итьлере, детъ: кюсьмен кювеньдеран полны, детъ, витри тадыксеньчен кимь полза кайны, детъ, шу тукны йогагган шу полны, детъ.

Херъ кимь зине ларза кайре, детъ, Адыла ситре, детъ, Адылбе каять, тетъ, перь хир-

пивалсь, и в кабак ходила вино пить. Более обыкновенного напившись однажды и пришедши домой, посылает уже меньшую дочь за водою. Назваши ее по имени, говорит ей: «Ступай, принеси мне воды как можно скорее, у меня внутри горит, мучит меня сильная жажда». Дочь меньшая пожалела свою мать, послушала, побежала, ни во что не одевшись, поспешила принести воды.

Мать по прежней привычке закладывает дверь, а пришедшую дочь не пускает в избу. Дочь ее просит впустить, представляет ей, что она принесла ей нужную воду, что на дворе ей стоять очень холодно, просит усиленно ее впустить скорее. Мать ее не слушает, а предлагает выйти замуж за самого меньшего брата, и если та не согласна на это, то и не пускает ее в избу. Дочь возражает ей, что за такой грех и земля их пожрет, не потерпит. Но мать не пускает иначе, как на изъявлении согласия на ее слова. Тогда дочь эта горько заплакала, и с великого горя ведры разбила, и воду пролила, и помолилась Богу, чтобы он услышал ее и сотворил, чтобы коромысло стало веслом, разбивки ведер стали лодкою, а пролитая вода стала рекою.

Бог ее услышал, из коромысла сделалось весло, из разбивков ведер сделалась лодка, а пролитая вода стала текущею водою.

Девица эта поплыла на лодке, доплыла до Волги и, Волгою плывши, видит на одном

ринче пичикки пюрть корать, тет. Онда полинь манын кирес, теть, ужунмашкын. Хирьри батне сявырза кимьне, патне сидеть, теть, кимрэн тогать, хирриньче перь йывысы патне ху кимьне куггарать, теть. Пюрьде хыбарза киреть, теть. Онда перь херь чип-чиберь корать, теть. Она корзасынах херь хибирьдере, деть: «Аккам, аккам! — сява пюртри херь калать, теть, — Сили азэ конда ситьрын? — деть. — Хам туван абай вубурла карчик, — деть. — Эдем ширжине чазах сизэть, нумай синзане сиза ярать, — тезэ каларе, деть. — Хале да нумаях тухтамасть тавырнать поле, — тезэ каларе, деть. — Ончень сана шипыр туза алык батне турадып, онбах худлып те день сана сиза ярасран». Шипыртувза туратре кильны херя. Ончень да полмаре, амушь, вубурла карчик, килеть пюрде. Кирьзэсынах кычкырче, деть: «Минь ку эдем ширжи конда тогать?», — теть. Херь она калать, теть: «Абай, кольленех мары эдем иутъне сиядын, — теть, — пиринь минь орых ширжи кирес, эдем ширжи пюртре кимезыр?» Амужь калать, теть: «Пар ку шубура, абе она полинь татса сипь», — тет. Хер она калать теть: «Абай, сяк шупур мана орай шилма кирле мары», — дере, чарче, деть, хувынь амушьне.

Нумаях тумаре вубурла вадты, калыях кайре сяндалыкпе сюремешкын. Ончень херьзам ись постярасьси деть, кончала арласьси, сипь сюмгаласьси, хотыр хотырласьси, пюрть шиласьси, пор кильди

берегу ее маленькую избушку: от холода принуждена решиться идти в избушку эту погреться. К берегу приставши, выходит из лодки. К попавшемуся на берегу дереву привязывает лодку и, оставивши внутри ее весло, сама входит в избушку: там сидит красивая девушка одна. Ее увидавши, эта девушка очень обрадовалась. Но сидевшая в избушке девица говорит ей: «Сестрица, сестрица! Как ты сюда попала? Ведь у меня родная мать самая колдунья, человеческий запах скоро слышит и много людей поедает. Да вот скоро, чаю, и домой она уже прискачет. До тех пор я тебя сделаю веником и поставлю у порога, а этим ты избавишься от того, чтобы она тебя не съела». Она ее превратила в веник. А вскоре после того мать ее, старая ведьма, скачет в избу. И как вошла, так и закричала: «Что это человеческим духом пахнет?» Дочь возражает ей: «Матушка! Да разве ты не каждый день употребляешь человечье мясо, так какому же запаху другому быть в избушке нашей?» Мать говорит ей: «Так дай же мне хоть этот веник: я его съем». Дочь ей сказала: «Матушка! Ведь этот веник мне нужен для метенья пола», — и этим остановила свою мать.

Немного погодя, старая ведьма опять поскакала рыскать по свету. Между тем девицы без неё дела домашние исправляют, прядут, нитки мотают, перематывают, избу выметают и все в избе убирают.

изя тувза постярасси. Карчик туда киле тавырнать, тетъ. Херь онын кильны херя мильгге тувза хоче, туратре алык панъче. Карчик пюрде киръзсынах сябах кычкырче детъ: «Тъху! Минь ку эдемъ ширжи пиринь пюртре килме пусыларе?» — «Эй, абай, абай! Кольленах мары эза эдемъ иутъне сиза порнадын, минь орых ширжи пиринь пюртре болас, эдемъ ширжи полмазыр?»

«Кюръ аппинь сяк мильггене, она болинь татса сиипъ», — тезэ каларе, детъ. — «Сяк мильгге хама кумагга шилмашкын пить кирле мары», — деза чарче ху амушьне херь, сиясран. Вубурла карчик туче туче кильде, кайльлях кайре кильденъ. Херьзам онъчень ись пусытаргаларесь, детъ. Кильны херь пюртри херя чиньзэ кларать, тетъ. «Минь конда ху озал амужьба порнас, — детъ, — перля шта да болинь вырын порынмашкын тобыбыр», — детъ. Ляшь херь кильштерче. Шокшларесь: карчик тябри килден кайзасынах кайза тарыбыр, тересь, кимъпе ондан худлыбыр, дересь.

Сяв шот тувзасынах карчик ситре, тада сява иорах иорларе: «Минь ку тек эдемъ ширжи хамыр батра табать?» Онъчень ляжь херьне йипъ тувза пюртъри хер ху сиома тирьзэ ларче, калать да она: «Эй, абай, абай! Мин ширжи орых пиринь табас сява ширжиран посьне?» Эппинь карчик: «Кюръ, — тере, — сягт йипъ полинь татса сиипъ», — тере. Херь она хирись чиньзэ каларе: «Хама сюлемешкын йипъ керле мары, шта она ойрых

Ведьма опять домой скачет. Дочь ее пришедшую девицу превратила в помело и поставила около двери. Мать ее, лишь взошла в избу опять закричала: «Что это у нас в избушке стало пахнуть человеческим запахом?» Дочь отвечает ей: «Матушка! Да какому же запаху и быть у нас в избе, кроме человеческого?»

«Так дай же, — говорит ей мать, — хоть это помело: я его переломая да съем». Дочь говорит ей: «Это помело мне очень нужно мести в печи и выметать дочиста». И сими словами уняла ее от съедения помела. [Постояла-постояла дома], и опять ведьма поскакала из дому, а девицы между тем прибирали вместе все в избушке. И пришедшая девица стала упрашивать хозяйкину дочь, чтоб она бросила столь злую мать, говорила, что найдем место куда идти жить и без этой избушки. Та согласилась на слова ее, и решились: как скоро опять из дому ускачет старуха, бежать из избушки, сесть на лодку и плыть куда глаза глядят.

Скоро после того прискакала старуха и опять те же слова повторила: «Что это все пахнет человеческим духом?» Между тем хозяйкина дочь успела пришедшую к ним ту девицу оборотить в иглу и прикнула к своей одежде и отвечает матери своей: «Да какому же запаху быть у нас кроме человеческого?» — «Так дай же мне эту иглу: я хоть ее съем». На сие дочь отвечала: «Мне самой крайне нужно эта игла: где мне искать

сирьде тобас конда». Омбах чарче ху амушьне. Карчик та-да кальях пюртьне хворать, сяндалыкпе чопма каять, тетъ.

Херьзам шалт хузам валли кырле хадер посьятрза пюрть-рен тарчесь, тетъ. Хиррибе ань-чесь, кимь зине ларза кайресь. Адылба каяссе-каяссе, детъ. Карчик херь ху амужа хирри-бе чобаггана корать, тетъ. Ху йолдаш херьне калать: «Корат-ны веза хам абай пире ширя-за чобать», — тетъ. Вул вара: «Ан шарла, чип, перь сумах та ан чинь», — дере. Кайза-кай-за тада калать, тетъ: «Сябах пиринь хызсин хувать абай, пирьден ойрлмасть», — тезэ она калазасынах кимь хыир зине ларче, туче, детъ, тапрат-маре да Адыл варрыньчен. Перь корак визьса килеть, тетъ. Вулзам таргасласье детъ она: «Корак, корак досым! Кайза кала пиринь хорндашсене, абер конда хыир зиньче лар-ныне». Корак хирись чиньзэ каларе детъ: «Корага перь хо-рах кось хама йорать», — тетъ, визьсэ да кайре, вулзана ить-лемере. Чагтак тада визьсэ ирь-детъ, тетъ. Херьзам она да тар-гаслаза пыгасьсе, она калась-се: «Чагтак-аггай, чагтак-аггай! Таргас: хамыр хорындашсане кайза кала, эбир конда хыир зиньче турза ларныне». Чагтак хиресь чиньзэ калать, тетъ: «Чагга гтак, чагга гтак, хама перь хорах кось сябах йорать», тетъ. Тата ку-ку визьсэ килеть, тетъ. Сяksam ана да таргаслаза пыгасьсе, калясьсе: «Ку-ку тухлачим! Таргас пиринь хо-рындашсам батне кайса киль, вулзана кала аберь конда лар-за аптраныне».

другой иглы?» И этим уняла свою мать. Старая ведьма опять ускакала из дому тас-кается по всему свету.

А девицы после нее, нима-ло не медля, все, что им нуж-ным казалось из должных ве-щей легких, прибрали, броси-ли избушку, сели на лодку и поплыли по Волге. Плывут дол-го ли, коротко ли, и видит дочь ведьмы свою мать, бегу-щую по берегу, и говорит своей подруге: «Подружка-[сестрица]! Смотри-ка, как мать моя по следам бежит за нами». А та ей говорит: «Мол-чи, не мешай мне править». Та опять говорит: «Смотри-ка, уж не далеко по берегу, по-чти поравнялась с нами, не отстает от нас». Лишь только она это сказала, лодка встала на мель и не двинулась с ме-ста. В сей их крайности, летит ворон мимо их. Они просят его, говоря: «Приятель ты наш, ворон! Полети и расска-жи нашим домашним и род-ственникам, что мы здесь си-дим на мели». Ворон им отве-тил: «Да, один глаз и мне го-дится после вашей смерти», — улетел и не послушал их уже более. После того летит мимо их сорока. Девицы и ее упра-шивают и говорят ей: «Сест-рица-сорока, сестрица-сорока! Пожалуйста, нашим родствен-никам повести, что мы здесь сидим на мели и не сходим с нее». Сорока им отвечает: «Что вы не говорите мне, а один глаз от вас достанется авось и мне». Еще летит кукушка мимо их. Они и ее спрашивают сле-дующими словами: «Куку-шинька-свахонька, кукушинь-

Куку вулзана итылере хирь-геньзэ, висьре; яла ситьсэ пюрть туррыне ларза куклать, тетъ: «Куку качим, куку качим, — детъ, — херьле сиря херле вуггур пар, — детъ, — сар корггаба шербетъ тувза ись, — детъ, — сар чашкаба йосман тувза чуклезэ си», — детъ. Кильде йолны, авланманны, [вильне] карчик увьле, тарны херь пичиже, она ильтэсын ниминь да чохлыймаре, йомысь карчик патне чобать, детъ: «Кинемей, кинемей, — детъ. — Минь хамыр пюрть турриньче куку авдать, — тетъ. — Абе она чохлыймарым, сан бада ситьрым, кайза ильтэз пых, чохланы день эзэ», — детъ. Йомысь карчик онба каять, тетъ, куку авытныне ильдеть, сябах чохламасть вул да, кайран йомысь озьса пыгать-пыгать, тетъ, тинь чохларе, каларе да она: «Куку сана Херле сиря херле вуггур бар, детъ, сар коргаба шербетъ изьсэ пых, тетъ, сар чашкаба йосман тувза си», — детъ. Хай ача чобать-чобать, тетъ, херле вуггур содын илеть, тетъ, пыл ильзэ шербетъ тувать, йосман пуду хадерлатъ, тетъ, йомысь карчикпа чуклезэ пыгасьсе, детъ. Куку тада кильзэ сяплах авытре, детъ. Чуклезэ вуггур парас чох она шуба сапресь, вул сылленъче, сылленъзсынах хайги карчик, онын амужь, пюрчи сирь сютса яче, полт сире озильче, пюрть тюпшалап таранах пот аньче пор кильди арзинзамба, херь арымзамба, ачи-перчибе да.

ка-свахонька! Пожалуйста, к нашей родне лети и расскажи, как мы здесь крайнюю терпим нужду, сидя на мели».

Кукушка их пожалела, и, в деревню к их родне полетевши, туда долетела и там на крышу избы села и кукует таким образом: «Ты, жених-молодец, поди-ка, принеси на жертву Красной земле красного быка, в желтом ковше сыты сделай и испей, и в желтой чашке пресного теста сделай и, помолившись, ешь». Этот жених — последний сын, меньший, после старухи деревенской, умершей, брат той девицы, которая не хотела быть братнею женою. Услышавши это кукованье, он ничего не понял, и побежал к ворожейке-старухе, и спрашивает ее, говоря: «Тетушка! А, тетушка! Что это у нас кукушка на избе кукует, я не понял, и тебя пришел спросить, не значит ли это что-нибудь? Поди-ка, послушайка». Ворожейка-старуха с ним идет, слушает кукованье, ничего не понимает и, повороживши по своему обыкновению, начинает догадываться, что это значит, и говорит ему: «Кукушка приказывает тебе принести на жертву Красной земле красного быка, в желтом ковше испить сыты и в желтой чашке поест пресного теста в честь той же Красной земли». Этот парень ищет купить и покупает красного быка; купивши меду, делает сыту, приготовляет пресного теста и с старухой-ворожейкой делает сказанное моление. Между тем кукушка еще по-

Хайгизам, йомысь карчиге кизинь увылебе шербетъ исърьсь, йосман сиресь, херьле вуггура пузса сиресь. Йолашкине киле изе каясьси, корасьси: пюрть сиок, анычах тюпъ шолап самый вурум превно хоны бек корнать. Тюлюньчесь, хурарьсь, онъчень да нумай полмаре хайги херьзанинь кимь воггур сылленьзэсынах хыир зиньчен тапранъче кайре, каймаллах польчи. Вулзам Адылба кайза-кайза илиххи ял тюльне ситьсэ тучесь, хиррине тохрьсь, отса кайрьсь, яла киресьси, хузенин пюртьне ляжь херь ширять, тобымасть. Итре, итса дезэ, хиресь тохны кизинь питишь каларе сяпла-сяпла полны дезэ. Вул тада икке херь корзасын вуданъче кайре, пильместь: дахушне йимык дес, иккишь да вулзам пер синлах. Тада каять йомысь карчик патне, она ытса пыгать, минь туvas вулзана оирза палласшин. Йомысь карчик она калать: «Эза ласься, хузамырын йолны ласься, вот хор, иккишне кюрть, ху падак ильзэ керле ябала бек ту, сюзюба шувиртьме хытлан падагга,

вторила по поручению тех девиц, свое кукованье. И когда жертвовать нужно было быка, и его облили водою пред закланием, он встрепенулся, и как лишь встрепенулся, то избенка пьяницы-старухи вдруг была поглощена землею: земля, разверзшись, приняла в себя провалившуюся избушку со всеми жителями ее — и мужчинами, и женщинами, и детьми их.

Потом ворожейка-старуха с тем парнем сыты испили и пресного хлеба поели, и заколотого быка несколько отведали, остатки же понесли домой. В деревню свою входят и видят: избенки той нет, только на месте ее одно бревно длинное лежит. Это была верхушка верхнего жолоба избенки. Изумляются они и недоумевают. А между тем в то же самое время, как встрепенулся закалаемый ими бык, обреченный на жертву, и лодка у тех девиц сошла с мели, и они поплыли Волгою и, доплывши до места, которое было насупротив той деревни, в которой жила принуждаемая к невольному браку девица, вышли на берег, пошли пешком, приходят в сию деревню. Прежнюю свою избенку ищет та девица и не находит, спрашивает вышедшего им навстречу уцелевшего своего брата, где избенка такая-то? И он рассказывает по-порядку все, что случилось, по разлучении с ним сестры его меньшей. Видя же их двух весьма похожих одна на другую и не могши различить своей сестры, опять бежит к

шювюртны чох алла сюзюба касны бек пол, вара трук кычкыр: «Ай, аллым, ай, аллым, касрым, йон табать», — тезэ. Он чох корын: санын йимыгге вот орла казъса чопса пыре сан батне, йот херь тавра сявырнза сан бата сиди пыхма да хытланесь санын ал касныне». Хайги ача йомысь карчик ус паныне итьлеть, килеть, вот хорать, алла падак илеть, сюзюба она шувердеть, тытны сирьдех алла касны бек польче, кычкарьче: «Ай, аллым, ай, аллым!» Онын йимыгге вот орла казъса трук он батне чопса кильче, тябри вот тавра сявырнза пыче, иккишь пыхресь, пыхресь, йозаресь да, йонне да чарчесь.

Кайран, порынзан-порынзан, сява йот херьне качча ильче хай ача, перле порнчесь йимыкпа телей корзэ.

[Ѕармэспа упа «тус пулни»]

Сярмысь[ба] оба тос полза кайресь, тетъ. Пре сярмусь кук куклать, тетъ. Оба он батне бырза сидеть, тетъ. Она калать, тетъ: «Абе сана сиза ярып». Сярмысь она таргаслатъ, тетъ: «Оба тосым, мана ан си.

ворожейке-старухе, ее выпрашивает, как бы различить и распознать свою сестру. Ему ворожейка говорит: «Ты в уцелевшей у вас лачуге разложи огня, обеих туда позови, а сам возьми палку и обтесывай ее. И когда будешь как будто обвастривать конец ее, возьми да нарочно порежь палец и от боли как будто закричи: «Ай, рученька, рученька! Порезал, кровь так и льет!» Тогда увидишь: твоя родная сестра через огонь перескочит и подбежит к тебе, а посторонняя девица, кругом обежавши, подойдет к тебе, и обе будут стараться осмотреть твой порез». Этот парень послушал совета ворожейки, приходит, раскладывает огонь в лачуге, зовет их, берет палку, ее обвастривает, и при этом вдруг порезал будто бы ненарочно руку и кричит: «Ай, рученька, рученька!» Его сестра через огонь перескочила и прибежала, а подруга ее кругом разложенного огня обежала и подошла. Обе осмотрели порез, обвязали руку и остановили кровотечение.

Когда пожилы они все трое вместе, означенный парень взял ту подругу своей сестры за себя замуж, и с сестрою неразлучно жили в добром согласии.

[«Дружба» между черемисом и медведем]

С черемисином медведь заключили дружбу. Сие случилось следующим образом: однажды черемисин расчищал чищобу в лесу. Медведь к нему подходит и говорит ему: «Я тебя

Перьле тос полыбар, кук кук-ласа орба аггыбар конда, сана да, мана да сиди порынмашкын». Оба она итлере. Ыдаты тада она сярмысь астарза: «Оба досым! Орба аггыбыр, сана валя сьмели поле. Минь эза илес тиин: туррыне илетны, кочине илетны? Хам эбе кирек-минь ильзэн да пырать. Эза минь илес тиин?»

Оба каларе сярмызя: «Сана турры болдырь, мана коче болдырь». Сяпла кильштерчись. Сярмысь орба акре, орбы тохре, вугут ситьсэсын вырза ильче туррыне, кочене йори обажынах кларггалаза онын ювы батне есьре, хиль касмашкын она болдыр, дезэ.

Сярмысь туррыбе порнать, теть, хиль казять хойги-сойгизыр. Оба хилье вызьса кайзасын ху йиввора орба котне сияс тере, чумларе: «Ниминь туды сиок, — [тезе] каларе, — Ак сярмысь мана олдаларе, йулюм котне илеймым, туррыне илес, тиип».

Тада сиора тохсан, сярмысь тада куклатъ, теть. Оба он батне калыях килеть сылленъзе да калать она: «Халь иньде сана сияс полать, пилдыр олдаланыжин». Сярмысь калать: «Оба мочей! Эза пре дос полза иумюрех дос пол. Кузял тада сярк аггас тедып кук кукланы сирьде. Минь сана кирле она иль. Турры илетны, кочине-и?» Оба: «Сиок, — теть, — пильдырги бек олдалаймын. Кусял иньде туррыне хамах илип, сана кочи болдыр».

Сярмысь сярк агтать, теть. Кюрьконне сярк полны чох сярмысь туррызане татса шибх есьре оба йивы батне, ка-

сьем». Черемисин упрашивает его пощадить и просит его дружбы. Медведь соглашается на это. Черемисин говорит: «В знак этой дружбы вот мы за-сеем чищобу ячменем, и плоды, полученные с чищобы, разделим пополам». Черемисин еще спрашивает его, на какой раздел он согласен будет, и предлагает ему на волю выбрать или верхушки ячменя, или корни. Мне, говорит он, все равно, какую ты ни оставишь долю.

Тогда медведь ему говорит: «Мне пусть будут корни, а тебе верхушки». Черемисин с притворным равнодушием на это согласился, и оба остались довольны сим условием. Черемисин посадил ячмень. Тот взошел и со временем созрел. Во время жатвы он сжал для себя верхушки, а по условию должен был выдергать и корни и переносить к медведю, чтобы тот не был голоден в течение зимы.

Черемисин верхушками ячменя проводит зиму без печали. Но медведь, проголодавшись зимою, захотел утолить свой голод принесенным в его берлогу запасом ячменных корней: пожевал, пожевал, никакого вкуса не нашел. Тогда понял, что черемисин его обманул: «Так я же вперед буду умен, вперед корней не соглашусь брать, а буду брать верхушки».

В следующую весну опять черемисин чистит другую чищобу в лесу. Медведь к нему опять приходит и с яростию говорит: «Вот тебя теперь уже непременно должно съесть за прошлогодний обман». Чере-

ласьны турух, ху пустярза сярыккине киле изэ кайре. Хиль казять, тетъ, оба. Кюрьконне сярык туррызане хуях шала кюртьсэ хубать нелле. Онда она сюртьсэ яче, корыкки либыр-лябыр полза каре. Обы да сюрны корык синьче обаллензэ, йиваланза лабырданче. Чумлаза да пыхре хуж сюрменныне, туды топмаре. Вызса та вырдатъче.

Тябри сиорконне сярмысь тада кук куклатъ. Оба инде он батне сияс шокшпах пырать. Сярмысь худа хораза, она янда абатпа маласся турандарас, тетъ, минь ху сиыныне она да парас, тос тозах полыбыр, дезэ, она да польшма чинеть кук сиорны сире.

Первой савыл ярать; сиорыккине тувзасын чилай, оба малды ора кирес полдыр дезэ, она калать: «Оба досым! Кук сиорни сирьде хама полш, — тии. — Сяк савылне эбе кларып, — тии. — Азэ ху чирьнезамба сиорма посыланы сире хыдах кюртьсэ сява каскине чирьнезамбах сиорза питерех», — тии. Оба она чохламазыр икки малды ора чирьнезане йивысь сиорыккине ярза. Ляшь онъчень савылне клар[на], обанынь орузане сиорыкки хистерны яны. Оба макрать, тетъ. Орузане кларасшин — клармалла мар, ондах польче. Сярмысь тос сине она токмакпа сяпса иугерьче, вилерьче да. Ак миньле дос вулзам польчес иккишь — оба сярмысьпа.

Юмаге лельле, абе толалла.

мисин говорит ему: «Дядюшка-медведь! Ты назвался приятелем, так будь же приятелем навсегда. Ныне я хочу на этой чишобе сеять репу: ты скажи только, что тебе угодно, и я на все согласен, корни ли нужны тебе или верхушки?» Медведь говорит: «Нет, уже по-прежнему не обманешь! Теперь я возьму себе на долю верхушки, а тебе пусть будут корни».

Черемисин сеет репу. Осенью, как нужно было вырывать репу, черемисин, верхушки все посрывавши, по условию, отнес к медвежьей берлоге, а себе, собравши репу, домой увез, уверен будучи, что поступил справедливо по условию. Он провел зиму с репою, а медведь еще с осени репные листья сам свалил в берлогу. И там в течение времени их сгноил. Да не только листья сии сгноил, но и сам в них, по неосторожности, вывалялся и замарался. А некоторые уцелевшие от сгниения листья пожевал-пожевал, да и бросил, и остался голоден на всю зиму.

В другую весну опять черемисин чистит чишобу. Медведь уже хочет отомстить ему, но черемисин спрашивает его с тем, чтобы кормить его своим кормом: продолжим, говорит медведю, нашу дружбу. И призывает его на помощь при раскалывании чишобных корней.

Сам запускает клин в один отрубок и, сделавши достаточную щель для передних лап медведя, просит его несколько помочь ему в его работе: «Вот, — говорит он медведю, — я ста-

ну вынимать клин, а ты своими передними лапами доколи этот отрубок». Медведь не понял сей хитрости черемисина, согласился передние лапы впустить в щель, сколько было глубже. А тот между тем выбил клин, и медвежьи лапы тут остались стиснуты в отрубке: он их вынимать, но не тут-то было. Черемисин сверх того еще колотушкою добавил по лбу медведю, оглушил его ударами и наконец ухотил. Вот так-то кончил дружбу свою черемисин с медведем.

Тем и кончилась сказка моя.